

«УТКА-КРОЛИК» ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПАРКА

При остром дефиците инвестиционных ресурсов в украинской промышленности правительство и депутатский корпус роль основного инструмента по исправлению ситуации отводят индустриальным паркам [1-3]. К этому же склоняются ученые и практики. Так, в журнале «Економіка промисловості» по проблематике индустриально-парковых систем опубликованы две статьи, приуроченные к угольной промышленности [4-5]. В первой из них рассмотрен опыт компании «Донецксталь», начатый корпоративной разработкой шахтного поля, во второй дано определение, раскрыты особенности и представлены перспективы трехмерных (на базе шахт) промышленных парков. Вторую статью завершает мысль о невозможности широкого внедрения индустриальных парков в угольной промышленности без соответствующего институционального обеспечения. Судя по дебатам, разгоревшимся в 2016 г. [6; 7], для эффективного решения вопроса мало имеющегося закона и его дополнений [8], необходимо ясное понимание инвестиционной природы институциональных парков.

Даже такая простая схема промышленного парка, как корпоративная разработка шахтного поля (КРШП), реализованная в конце прошлого века на украинской шахте «Красноармейская-Западная» № 1 (ныне шахтоуправление «Покровское») концерном «Энерго» (ныне компания «Донецксталь»), оказывается далеко не так проста, как представлялось ранее.

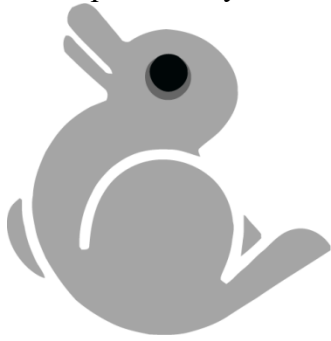
Схема КРШП: частная фирма со своим оборудованием приходит на государственное предприятие (шахту), оснащенную всей необходимой инженерной инфраструктурой, и ведет добычу угля на отведенной ей части шахтного поля, а шахта оказывает фирме широкий спектр платных услуг – от подъема, транспорта, энергоснабжения и вентиляции до бытового обслуживания персонала и пр. Интерес фирмы, как правило, заключается в том, что она становится собственником добытого ею угля [9].

В научном плане корпоративная разработка шахтного поля получила известность исключительно как форма привлечения негосударственных инвестиций на убыточные государственные шахты [10; 11 и др.], при этом субъекты предпринимательства, подвизавшиеся на государственных предприятиях, беспечно были признаны инвесторами угольных шахт [12]. Но этот феномен промышленного парка заслуживает более глубокого изучения.

Американский историк и философ Т. Кун (Т. Kuhn) утверждал, что в момент научной революции, как в системе «Утка-Кролик», происходит мгновенная смена парадигмы [13, р. 114]. «Утка-Кролик» (см. рисунок) – это образ, созданный в конце XIX в. американским психологом Дж. Ястровым или, в другой транскрипции, Дж. Джастроу (Joseph Jastrow), – не оптическая иллюзия, а двойственная (бистабильная или обратимая) фигура, обладающая тем свойством, что зритель, ясно видящий абрис «утки», вдруг да увидит черты «кролика», или

© Д.Ю. Череватский, 2016

наоборот – «кролик» может мгновенно предстать пред ним «уткой».

*Рисунок. Современное изображение
«Утка-Кролик» [14]*

Сам Т. Кун сетовал, что его теорию научных революций воспринимают лишь в увязке с учениями Коперника, Ньютона, Дарвина или Эйнштейна, тогда как революционными есть любые, пусть незначительные, перемены в восприятии научных дисциплин, если они важны для сообщества «из хотя бы двадцати пяти активных членов» [15, с. 80; 9, р. 180-181].

Цель статьи – с использованием схемы корпоративной разработки шахтного поля подвести читателей к научной революции в восприятии инвестиционной сущности промышленных парков: показать, что в исторически апробированной схеме взаимоотношений частной фирмы и государственной шахты не фирма осуществляет капитальные вложения в шахту, а наоборот – шахта выступает инвестором фирмы.

В западной практике существует понятие дочерней компании специального назначения – SPV (от англ. Special Purpose Vehicle) или, как их чаще сейчас называют, SPE (Special Purpose Entity). Такие специализированные формирования в бизнесе российский экономист В. Агроскин назвал недиверсифицированными фирмами [16]. То есть промышленный парк – это производственная бизнес-система, предназначенная для

внедрения заинтересованными предпринимательскими структурами своих агентов (недиверсифицированных фирм).

Исследователь процессов становления восточноевропейского капитализма, известный американский ученый Д. Старк (D. Stark) на основании анализа венгерского опыта установил, что трансформация прав собственности может происходить без общепринятой приватизации за счет того, что рождающиеся формы собственности размывают: «... а) границы частной и общественной собственности; б) организационные границы предприятий; в) границы законодательных принципов» [17, с. 7]. В результате размывания границ возникает названная Д. Старком «рекомбинированная собственность» (recombinant property), представляющая собой взаимопересекающиеся внутри предприятий сети отношений собственности, обусловленные децентрализацией активов [13, с. 8]. Сам термин «recombinant property» заимствован из биологии и означает интенсивную перетасовку отцовских и материнских генов. Введение нового понятия породило цепную реакцию в публикациях: только оригинальная статья Д. Старка, по сведениям Google Scholar, цитировалась в 1325 работах, индекс цитируемости статей последующих поколений пошел на тысячи.

С.Б. Авдашева к схемам рекомбинации собственности относит толлинг [18], поскольку давальчество служит перераспределением, в некотором смысле экспроприацией, реальных прав собственности на активы перерабатывающего предприятия в пользу давальца: не имея соответствующих производственных фондов, тот из имеющегося у него сырья получает готовый продукт. А.И. Бутыркин, следуя идеям Кларка и Авдашевой, практику устойчивых и повторяющихся давальческих контрактов независимо от формального распределения прав собственности призывает рас-

смаатривать как сформировавшуюся вертикально интегрированную структуру [19, с. 128].

Если присмотреться внимательно, то корпоративная разработка шахтного поля фрагментарно тоже есть толлинг. Фрагментарно, поскольку не все предоставляемые фирме услуги соответствуют признакам давальчества.

Первые толлинговые отношения зародились в старину, их широко практиковали мельники – крестьяне оставляли им в оплату за помол своего зерна часть полученной муки. Та же схема и поныне распространена в отечественной угольной промышленности: угледобывающее предприятие сдает рядовой уголь на обогатительную фабрику, а получает концентрат, часть которого оставляет фабрике в качестве натуроплаты.

Эта схема, если присмотреться, присутствует и в модели корпоративной разработки шахтного поля, правда, с существенными различиями. Вот, к примеру, шахтный клетевой подъем. Стационарная установка, предназначенная для выдачи в вагонетках на дневную поверхность и угля, и пустой породы. Но при единой технологии обработки вагонеток существует нюанс: недиверсифицированная фирма под землей сдает шахтным службам, занимающимся откаткой и подъемом, полученные ею уголь и породу, а на поверхности забирает только уголь, порода же уходит в отвал. Эта деталь превращает тривиальную услугу по доставке и подъему груза на поверхность в толлинг. Уголь под землей – сырье, уголь на поверхности – продукт, прошедший переработку (подвергшийся процессам транспортировки и подъема) за назначенную плату, будь-то деньгами, будь-то натурой, углем, и переданный давальцу. В отличие от транспорта и подъема угля, транспорт и подъем породы – это не толлинг, а тривиальная услуга

по уборке пустой породы из подземного пространства.

Среди достаточно длинного перечня услуг, предоставляемых фирме шахтой, есть несколько, которые можно отнести к толлинговым: внутризаводской транспорт и подъем угля, санитарно-бытовое обслуживание персонала (на входе в шахтную баню находятся покрытые угольной пылью работники фирмы, на выходе – чисто вымытые и переодетые в чистое). То есть фирма, не имея собственных технологических средств и служб, пользуется шахтными установками и извлекает из этого для себя прибыль. Схема стара, как «рассеянная мануфактура» доиндустриального периода развития капитализма, но воплощение новое. Остальные услуги – проветривание, водоотлив, энергоснабжение и др. – к толлингу отношения не имеют, это классическое предоставление производственных услуг за плату. Важность их разграничения заключается не столько в доказательстве рекомбинации собственности, сколько в демонстрации неформального и неявного перехода имущества шахты в пользу фирмы. Фирме, как и крестьянину-землепашцу, нуждающемуся в помоле пшеницы, нет резона заводить свое перерабатывающее предприятие, если можно воспользоваться имуществом другого лица.

Но передача имущества от одного экономического агента к другому с целью получения дохода – это инвестиция, из чего следует, что в кондовой схеме корпоративной разработки шахтного поля не фирма делает вложения в шахту, а наоборот – шахта через рекомбинацию собственности инвестирует фирму. А покупка материнской предпринимательской структурой оборудования для SPE – это инвестиция в недиверсифицированную фирму, но никак не шахту. В этом весь пафос слома бытующей на протяжении десятилетий концепции, сдвиг парадиг-

мы КРШП, научная революция: убыточная государственная шахта инвестирует прибыльную частную компанию. И это нормально. Когда есть возможность улучшить свое положение без того, чтобы нанести вред кому-то, то это эффективно по Парето, и нерационально таким шансом не воспользоваться. В схеме КРШП предпринимателю выгоднее «принять» неявную инвестицию со стороны государственного предприятия, чем проектировать и строить свою шахту, хотя второе в отечественной и зарубежной практике происходит чаще. На то она и инновационная, в своем роде, эта парковая идеология.

Строя новые институты «не на руинах коммунизма, а из руин коммунизма» [13, с. 6], рекомбинаторы собственности, пользуясь схемой КРШП перешли, не отдавая себе в том отчета, к экономике, названной Дж. Рифкиным (J. Rifkin) гиперкапитализмом. Внедрение SPE в систему промышленного парка – это переход к «экономике доступа», где потребитель покупает не товар, а возможность пользоваться им [20]. Напоминает описание А.С. Гальчинским конвергентных рынков, построенных по принципу «быть», а не «иметь» [21, с. 6].

Кстати, японские компании никогда не покупают за рубежом предприятие целиком и не создают филиалов «с нуля» [22]. В состав собственников австралийского предприятия «Булга-Комплекс» (угольный карьер и шахта в районе города Булга) входят японские корпорации «Nippon Oil» (13,3%), «Nippon Steel» (12,5%), «Kavasho Corporation» (1,6%), «Tomen Corporation» (4,4%) – миноритарии, основным же собственником является швейцарская корпорация «Xstrata», имеющая более 68% акций [23]. Но японцам нужен уголь, а не угольные шахты – участвуя во владении активами, они и при дефиците экспортного ресурса на глобальных рынках обеспечивают его

поставки на свои металлургические заводы.

Трансформационный и транзакционный секторы экономики [15] становятся все более выраженными – есть те, кто производит, и те, кто обслуживает тех, кто производит. Специфичным ресурсом недиверсифицированной фирмы по добыче угля является механизированный очистной комплекс и квалификация персонала, а для шахты специфический ресурс сводится к инженерной инфраструктуре – стационарным и другим установкам, посредством которых она с выгодой для себя может обеспечить нормальное функционирование добычной недиверсифицированной фирмы.

Схема КРШП – этот своеобразный промышленный парк – возникла в тяжелые для национальной экономики страны и ее угольной промышленности времена как средство инвестиционного обеспечения потребностей убыточных государственных шахт. Инвестиционный кризис повторяется, и промышленные парки нужны уже не только государственным, а всем угледобывающим предприятиям, независимо от формы собственности. Если производства испытывают нехватку средств на приобретение технологического оборудования, в частности, очистной техники, то им имеет смысл развивать инфраструктуру, уступая свое шахтное поле соответствующим недиверсифицированным фирмам.

Выводы. Природа модели, призванной к жизни инвестиционным кризисом 1990-х и получившей название корпоративной разработки шахтного поля, принципиально отличается от воспринимаемой десятилетиями. Частная фирма, оснащенная технически материнской компанией и использующая это оборудование для добычи угля в отводе убыточной, но с полностью мобилизованной инфраструктурой государственной шахты, не была, как считалось ранее, инве-

стором государственного предприятия, – это убыточная государственная шахта выступала инвестором прибыльной фирмы.

Данный вывод основан на признании отношений фирмы и шахты фрагментарно толлинговыми (в плане транспортировки, подъема угля и др.), а долгосрочное и регулярное давальчество, как следует из работ по теории рекомбинации собственности Д. Старка и С.Б. Авдашевой, служит инструментом неформального перераспределения, а то и экспроприации собственности.

Раскрытие элементов давльчества в отношениях государственного угольного предприятия и фирмы, производящей очистные работы в его поле, позволило классифицировать шахту как субъекта, неформально делающего капитальные вложения в бизнес фирмы.

Поскольку корпоративная разработка шахтного поля является прообразом индустриального парка, полученный результат может оказаться полезным для понимания природы отношений управляющей компании парка с фирмами-участниками. Если в связях участников и промышленного парка есть признаки толлинговых или квазитоллинговых связей, то смена инвестиционной парадигмы возможна, но «Утка-Кролик» – совсем не повод усомниться в целесообразности идеи «экономики доступа».

Приход к пониманию промышленного парка как «экономики доступа» или гиперкапитализма в трактовке Дж. Рифкина открывает новые перспективы, как в теоретическом, так и в практическом аспектах. В теоретическом плане – это смена хозяйственных моделей: от иерархий, каковыми являются классические фирмы, к гетерархиям, с их пересекающимися, но одновременно сосуществующими структурами управления.

В практическом плане – это возможность снятия инвестиционных про-

блем промышленных предприятий за счет осознанного развития их (предприятий) как транзакционных секторов.

На будущее имеет смысл уточнить условия выгодности существования горного предприятия, требующего инвестиций, в форме иерархии или гетерархии.

Развитие практики индустриальных парков в горном деле зависит от решения институциональной стороны вопроса. Закон Украины об индустриальных парках рационально дополнить положениями о производственных системах, имеющих горную специфику.

Литература

1. Ассоциация индустриальных парков – новые возможности для бизнеса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ainpu.com.ua/news-0016/>.

2. Эксперты: индустриальные парки – шанс для экономики Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.segodnya.ua/economics/enews/eksperty-industrialnye-parki-shans-dlya-ekonomiki-ukrainy-764781.html>.

3. Лукач Р. Для развития Украине нужны индустриальные парки, в которых любой инвестор мог бы быстро и комфортно наладить выпуск инновационной продукции / Р. Лукач [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.eizvestia.com/news_economy/full/321spasti-ukrainskuyu-ekonomiku-kak-zamanitinvestorov-v-ukrainu-ekspert.

4. Амоша А.И. От промышленного предприятия к промышленному парку: смена парадигмы на примере ш/у "Покровское" / А.И. Амоша, О.Д. Кожушок, В.В. Радченко, Е.Н. Халимендинов, Д.Ю. Череватский, Е.А. Юшков // *Економіка промисловості*. – 2013. – № 1-2. – С. 13-17.

5. Ильяшов М.А. Трёхмерные индустриальные парки: определение, особенности и направления развития / М.А. Ильяшов, В.В. Левит, Д.Ю. Черев-

ватский // Економіка промисловості. – 2015. – № 1. – С. 74-83.

6. Индустриальные парки: большой бизнес – в очереди за льготами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zerkalo.mk.ua/novini/industrialnye-parki-bolshoj-biznes-v-ocheredi-za-lgotami.html>.

7. За "индустриальными парками" в законе спрятали мегакоррупцию и обман, – Тимошенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lb.ua/news/2016/10/08/347343_industrialnimi_parkami.html.

8. Закон України «Про індустриальні парки» // Відомості Верховної Ради України. – 2013. – № 22. – Ст. 212.

9. Филатов Ю.В. Опыт корпоративной разработки шахтного поля / Ю.В. Филатов, Ю.А. Наумов, А.А. Лещинский, Д.Ю. Череватский // Уголь Украины. – 2000. – № 11. – С. 25-28.

10. Амоша А.И. Опыт привлечения и использование инвестиций для развития шахты / А.И. Амоша, В.К. Мамутов // Уголь Украины. – 2000. – № 11. – С. 14-19.

11. Амоша А.И. Реализация концептуальных положений доктрины инвестирования предприятий угольной промышленности / А.И. Амоша, М.А. Ильшов, Л.Ю. Байсаров // Уголь Украины. – 2001. – № 8. – С. 9-13.

12. Кабанов А.І. Обґрунтування фінансово-економічних взаємовідносин вугледобувного підприємства та інвестора-розробника частини гірничого відводу / А.І. Кабанов, Л.Л. Стариченко, В.В. Цикарева // Уголь Украины. – 2004. – № 2. – С. 5-10.

13. Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. – Chicago: University of Chicago Press, 1970. – 206 p.

14. Ambiguous Optical Illusions [Electronic Resource]. – Access mode:

<http://hubpages.com/games-hobbies/optical-illusion-images>

15. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / М. Блауг. – М.: НП "Журнал Вопросы экономики", 2004. – 416 с.

16. Агроскин В. Недиверсифицированные фирмы и новые формы привлечения капитала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libertarium.ru/l_lib_nfi.

17. Старк Д. Рекомбинированная собственность и рождение восточноевропейского капитализма / Д. Старк // Вопросы экономики. – 1996. – № 6. – С. 4-24.

18. Авдашева С.Б. Давальчество в российской промышленности: причины и результаты использования / С.Б. Авдашева // Вопросы экономики. – 2001. – № 6. – С. 100-113.

19. Бутыркин А.Я. Вертикальная интеграция и вертикальные ограничения в промышленности: моногр. / А.Я. Бутыркин. – М.: Едиториал УРПС, 2003. – 200 с.

20. Rifkin J. The Age of Access: The new culture of hypercapitalism, where all of life is a Paid-For Experience / J. Rifkin. – New Jersey: Penguin Putnam, 2001. – 312 p.

21. Гальчинский А.С. Конвергентный рынок – методология перспективы / А.С. Гальчинский // Экономика Украины. 2012. – № 5. – С. 4-20.

22. Сагоян К. Современные международные стратегии японских корпораций / К. Сагоян // Экономические стратегии. – 2006. – № 5/6. – С. 138-142.

23. Кабанов А.І. Чинники і тенденції, що зумовлюють структуру вугільної промисловості в світі / А.І. Кабанов, Л.Л. Стариченко, Д.Ю. Череватський // Уголь Украины. – 2011. – № 2. – С. 8-13.

Представлена в редакцию 19.09.2016 г.